

RU

Образ «дальневосточного фронта» в лирике П. С. Комарова

Александрова-Осокина О. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявление специфики пространственно-географического образа Дальнего Востока в поэзии П. С. Комарова в аспекте «фронтирного» видения. В статье обосновывается продуктивность применения «фронтирного спектра» для анализа региональной лирики и предложен обзор ведущих работ в этой области. Основное внимание уделяется выявлению и анализу форм художественной репрезентации образа Дальнего Востока в лирике Комарова. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые поэтический мир поэта рассматривается в аспекте «фронтирной образности», обоснована роль внетекстовых (географических и историко-культурных) реалий для формирования образа фронта. В результате исследования установлено, что образ Дальнего Востока как фронтирной (рубежной) территории России создается средствами пейзажа, этнопоэтики, мифопоэтики, топонимики, пространственными маркерами («восток – запад», расстояние, «верх – низ» и т. п.). В работе аргументируется утверждение о том, что «фронтирный образ» в лирике поэта имеет «двойное содержание», соединяя поэтическое видение региона как «Российского пограничья» и одновременно как неразрывной части «русской земли»; показано, что в отношении образа лирического героя «фронтирные характеристики» связаны с темой освоения земли и защиты рубежей.

EN

The image of the “Far Eastern frontier” in P. S. Komarov’s lyrical poetry

Alexandrova-Osokina O. N.

Abstract. The aim of the study is to identify the specifics of the spatial and geographical image of the Far East in P. S. Komarov’s poetry from the perspective of the “frontier” vision. The paper substantiates the productivity of using the “frontier spectrum” for the analysis of regional lyrical poetry and provides an overview of the leading works in this field. Main attention is paid to the identification and analysis of the forms of artistic representation of the image of the Far East in Komarov’s lyrical poetry. The paper is novel in that it is the first to consider the author’s poetic world from the perspective of “frontier imagery”, to substantiate the role of extra-textual (geographical and historical-cultural) realia for the formation of the image of the frontier. As a result of the study, it has been found that the image of the Far East as a frontier territory of Russia is created by means of landscape, ethno-poetics, mythopoetics, toponymy, spatial markers (“east – west”, distance, “top – bottom”, etc.). The paper argues that the “frontier image” in Komarov’s lyrical poetry has a “double content”, combining the poetic vision of the region as a “Russian borderland” and at the same time as an inseparable part of the “Russian land”; it is shown that in relation to the image of the persona, “frontier characteristics” are associated with the theme of land development and border protection.

Введение

В статье рассматривается творчество Петра Степановича Комарова (1911-1949) – советского поэта, «певца Дальнего Востока», лауреата Сталинской премии третьей степени в области литературы (1950), имя которого в середине XX века было широко известно за пределами дальневосточного региона.

Актуальность исследования обусловлена непреходящей значимостью исследований в области филологической регионалистики. Уместно напомнить, что Д. С. Лихачев (2000, с. 159) считал знание истории и литературы своего региона показателем уровня культуры человека и общества. Кроме того, изучение творчества дальневосточного поэта находится в русле интереса к исследованию локальных текстов русской культуры. Важно обратить внимание на то, что регионоведческие исследования по литературе Дальнего Востока хотя и представлены значительным количеством работ, однако все еще не охватывают многие имена и проблемы.

Теоретической и историко-литературной базой исследования стали работы по изучению поэзии П. С. Комарова (Александрова-Осокина, Хуан Цзянь, 2020; Хуан Цзянь, 2022); по проблемам фронта в литературе

(Забияко, Щербаков, 2015; Забияко, 2020; Карпухина, 2020; Панарина, 2013); исследования в области литературной регионалистики (Лихачев, 2000; Галимова, 2012; Богумил, Куляпин, Худенко, 2017; Давыдов, 2019; Родигина, 2006); а также классические труды Ю. М. Лотмана (1988; 1994; 2000), связанные с вопросами пространства в литературе.

Задачами исследования стали: осмысление становления понятия «фронтир» в литературоведческих работах; анализ лирики П. С. Комарова на предмет выявления поэтической репрезентации «фронтирных образов»; выявление форм реализации «фронтирной поэтики» в стихотворениях П. С. Комарова (ландшафт, топонимика, колорит флоры и фауны, историко-культурные реалии, этнопоэтика).

Исследовательские методы, применяемые в работе: анализ и систематизация (в отношении терминологической проблематики), историко-культурный (способствующий выявлению связи поэтики и внетекстовых реалий в поэзии П. С. Комарова); образный и мотивный анализ лирического стихотворения (направленный на характеристику поэтических текстов с целью выявления черт «фронтирной образности»); применены элементы системного анализа (что позволило обобщить наблюдения над отдельными произведениями и увидеть «фронтирную поэтику» как принципиальную характеристику поэтического мира Комарова в целом).

Материалом для исследования послужило творчество П. С. Комарова, а также сборник русских пословиц:

- Комаров П. С. Избранное / сост. Н. Т. Кабушкин; худож. Г. Павлишин. Хабаровск: Кн. изд-во, 1992.
- Комаров П. С. Таежные жители. М. – Л.: Детгиз, 1947.
- Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1 / вступ. слово М. Шолохова; худож. Г. Клодт.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать проработанный материал в научной и учебно-методической работе по литературной регионалистике.

Обсуждение и результаты

Понятия «фронтир», «фронтирная поэтика» относительно недавно вошли в литературоведческий инструментарий и еще не приобрели четких терминологических границ, однако все чаще используются в филологических работах для характеристики фронтирного (рубежного) пространства (Забияко, Щербаков, 2015; Забияко, 2020; Карпухина, 2020; Панарина, 2013).

«Фронтирный подход» активно применяется в региоведческих исследованиях на материале литературы Сибири, Алтая, Русского Севера (Родигина, 2006; Панарина, 2013; Карпухина, 2020). Однако применительно к литературе Дальнего Востока этой проблематике посвящены единичные работы (Забияко, 2015; Головнев, Головнева, 2019) (хотя, конечно, без применения термина тема дальневосточного пограничья всегда затрагивалась в работах по дальневосточной литературе). Таким образом, настоящая статья вносит вклад в разработку поэтики «дальневосточного фронта».

Понятие «фронтир», введенное Ф. Дж. Тернером для обозначения процессов колонизации на американском Западе, активно применяется в современной гуманитарной науке в иных контекстах. Основные характеристики явления (подвижная граница, возникновение различных форм межкультурного взаимодействия, мобильность социокультурных процессов) связаны не только с географическим пониманием «границы», но и с характеристикой иных рубежных (лиминальных) состояний человеческой жизни, что обогащает термин философским содержанием и позволяет применять его в социальных, культурологических, мифопоэтических контекстах (Синельникова, 2020, с. 468-469).

В литературоведении изучение «поэтики фронта» генетически связано с традицией по исследованию пространства в художественном произведении (Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин) и исходит из того, что рубежное (фронтирное) пространство имеет свои специфические характеристики и формирует особый тип мировосприятия, создает новый типологический образ героя – «человек фронта».

Фронтирное пространство выступает в роли внелитературного источника, оказывающего влияние на художественный мир произведения, целостное осмысление которого возможно только, говоря словами Ю. М. Лотмана, при учете отношения «всей совокупности художественных элементов... ко всей совокупности внетекстовых элементов» (1994, с. 215). Ученый писал, что географическое пространство в литературе никогда не является только лишь отражением естественной географической среды, но «принимает на себя выражение пространственных отношений», воплощает такие философские представления, как «святые и греховные земли», «единичность» своей земли и «множественность» иных и т. д. (Лотман, 1988, с. 252). Лотман обратил внимание и на то, что «граница» является разделяющей, но одновременно и соединяющей системой; это – «место трансформации “внешнего” во “внутреннее”» (Лотман, 2000, с. 262). Сказанные в контексте иной научной проблемы, эти слова точно характеризуют ситуацию взаимного обогащения культур на фронтире.

В литературном произведении образ региона обычно отражает разные уровни картины мира: географический и историко-культурный ландшафт, концепты общенациональной памяти (внелитературные реалии, историко-культурная память, мифопоэтика) и индивидуально-творческое восприятие (Галимова, 2012, с. 123; Богумил, Куляпин, Худенко, 2017, с. 6; Давыдов, 2019). Привлечение «фронтирной методологии» при анализе произведений региональной литературы позволяет более четко проследить ментальную природу образа региона, выявить механизмы связи образа пространства с формированием региональной идентичности (Родигина, 2006, с. 16).

В творчестве Петра Степановича Комарова Дальний Восток является главной темой: у поэта получили отражение все аспекты природной, исторической и культурной жизни региона. Конечно, здесь находит воплощение и «фронтирная тематика».

Непосредственно тему «фронтира» – как встречи и взаимодействия «цивилизованного» и «дикого» мира – поэт не затрагивает: он мыслит в русле советского мировоззрения, в категориях целостности советского государства, видит пространство, преобразованное творческим созидательным трудом советских людей. Вместе с тем географические, историко-культурные, социальные реалии Дальнего Востока определяют мотивно-образный ряд его лирики: экзотика дальневосточной природы, рельефность ландшафтных очертаний, отдаленность от центра страны, героика освоения, пограничный характер региона, этнокультурные контакты с народами Приамурья, а также Китая и Кореи – все это получает воплощение в его произведениях.

Изучение лирики поэта позволяет увидеть, что «фронтирная тема» у Комарова реализуется в двух ключевых линиях, каждая из которых получает поэтическое воплощение в проблемно-тематической и образной системе его поэзии. Первая – связана с традиционным видением Дальнего Востока как отдаленного от центра страны региона, обладающего своей историей освоения, специфическими приметами и фронтирными характеристиками. Вторая концепция демонстрирует поэтическое видение, при котором дальневосточный мир показан в неразрывном территориальном и историко-культурном единстве со всем государством: «*Все здесь русское, все здесь наше / От Москвы до конца земли*» («На краю России», 1943) (Комаров, 1992, с. 102) (далее в тексте статьи стихи П. С. Комарова цитируются по данному изданию с указанием названия стихотворения, года издания и страницы книги в круглых скобках).

Мотив единства Дальнего Востока со всей страной становится сквозной темой всего творчества поэта. В книге «Таёжные жители», восхищаясь экзотичной природой Дальнего Востока, поэт не противопоставляет ее пейзажам центральной России, но, наоборот, подчеркивает географическую обширность и целостность: «*...как богата наша Родина, где есть светлые сосновые леса Подмоскovie и такие глухие дебри, как на Дальнем Востоке*» (Комаров, 1947, с. 3).

Пафос прославления советского мира обусловлен как общими идеологическими основами советского мира, так и личным субъективным мироощущением лирического героя, декларирующего свою неразрывную связь с родной землей: «*Я нитка в знамени твоём*» («Надпись на книге», 1948, с. 181).

В этом аспекте дальневосточная земля раскрывается в лирике поэта как пространство преодоления «фронтира», показаны целостность и единение человека с природой, историей и государством, формами деятельности на фронтире являются понимание, преобразование, сотрудничество, сотворчество.

Каждая из названных линий характеризуется своей системой тем, образов, мотивов. Рассмотрим, как реализуются принципы «фронтирной поэтики» в аспекте двух названных идейно-художественных концепций в лирике Комарова.

Отдаленность Дальнего Востока от центра России проявляется уже в названиях стихотворений Комарова: «На краю России», «Дальний берег», «Медвежий угол»; в топонимике, обозначающей дальневосточные реалии: «Ночь на Амуре», «У берегов Амура», «Приамурье», «На Волочаевской сопке», «Советская Гавань».

«Фронтирную поэтику» формируют и топонимы неславянского происхождения: «Зима в Эвенкии», «Маньчжурия», «Сихотэ-Алиньский перевал», «Ледоход на Усури», «Хинганский родник», «Зея», «Ночь на Амуре», «Озеро Ханка», «Топтугары», «Над Шантарскими островами». Топонимы подчеркивали этнокультурную самобытность региона, конструировали образ экзотической страны.

Рубежный образ региона создавался антитезой «Восток – Запад»; мотивами, подчеркивающими длительность и масштабность расстояний: «*...идут, как старые солдаты, / На восток дорожные столбы*» («Слышу голос – нету отголоска», 1943, с. 104); «*Две реки бегут с одной горы / <...> И одна торопится в Амур, / А другая в сумрачное море*» («Две реки бегут с одной горы», 1943, с. 131); «*День и ночь стучат колеса: / Топтугары, Топтугары*» («Топтугары», 1943, с. 113).

Создавая образ России на дальневосточных рубежах, поэт обращается к узнаваемым деталям русской пространственной поэтики: «степь», «даль», «дорога», «река»: «*Степь да степь. / И только вдалеке / Гор зазейских синяя полоска, / Как туман, спускается к реке*» («Слышу голос – нету отголоска», 1943, с. 104); «*Степь лежит налево и направо, / Целый день кричат перепела*» («Военно-полевая дорога», 1943, с. 108). Ландшафтные образы поэзии Комарова подчеркивают бескрайние просторы Дальнего Востока: «*И лес, и горы, и туман*» («Хинганский родник», 1940, с. 71).

В пространственных характеристиках подчеркиваются отдаленность, окраинность, труднодоступность региона и даже «маргинальность»: «*Здесь, куда ни взгляни – / Бездорожье от края до края*» («Покорители Тукурингра», 1933, с. 44); «*Ни жилья за спиной, ни дымка. / Только ветер шалит над заливом*» («В заливе Счастья», 1943, с. 104); «*Бездонные топи. Озера. Болота. / Зелёная, жёлтая, рыжая мгла. / Здесь даже лететь никому неохота. / А как же пехота всё это прошла?*» («Сунгарийские болота», 1945, с. 134); «*Где-то здесь на берегу / Был затерян след Арсеньева, / ушедшего в тайгу*» («В порту», 1949, с. 186). Этот же образ – в предисловии к книге «Таёжные жители»: «*На многие тысячи километров раскинулась дикая дальневосточная тайга. Здешние леса – как джунгли. Они стоят глухие, непроходимые*» (Комаров, 1947, с. 3).

Указывается рубежный, пограничный характер региона, требующий защиты рубежей, что также отражено уже в названиях произведений: «Дзот в степи», «Военно-полевая дорога», «Дорога на заставу»; «В дозоре», «Часовой» и др. В стихотворениях «оборонной тематики» противопоставлены «свои» и «чужие», утверждается «зоркость» пограничника: «*Я снова свой пост измеряю шагами, / Чтоб шорох, чтоб сердца биенье услышать*» («Часовой», 1937, с. 53).

Образ «дальневосточного фронта» создается проходящими через многие стихотворения Комарова картинами природы как самодостаточного мира, где природное часто довлеет над социальным: «*И сопки плывут навстречу, / Направо уходят села, / Налево уходят села. / И только один Санчагоу / Напротив перед тобой*» («Дорога на заставу», 1936, с. 51); «*Когда укладывался шпалами / Участок нашего пути / Медведь пришел с боками впальми / И заревел шагах в шести*» («Медвежий угол. Рассказ путейца-строителя», 1946, с. 161). Пространство Приамурья представлено потаенной древностью: «*охотничьи тропы*», «*сосны над ручьями*», «*могильные холмы*» («Хехцир»).

Маркером, обозначающим нетронутость природного мира, является, в частности, «тишина»: «*Была тишина, и казалось, / Её не нарушат шаги*» («Ледоход на Уссури», 1939, с. 64).

«Человек фронта» у Комарова – это человек, сосуществующий на границе природного и культурного мира, близкий «естественному человеку»: «*Идет по местам нелюдимым, / Шагает по чаще лесной, / Охотничьим греется дымом / И спит на снегу под сосной*» («Тигролов», 1945, с. 130).

Созданию «фронтирного образа» дальневосточной земли у Комарова способствует историко-поэтический и мифопоэтический материал: образы первопроходцев и мотивы освоения Амура, фольклор и этнопоэтика, отражающие жизнь приамурских аборигенов, легенды, связанные с Приамурьем («Охотник», «Лувен», «Хехцир», «Баллада о зверолове», «Эвенкийский мотив»).

В изображении подвига первопроходцев легендарно-поэтическое начало преобладает над историческим: события освоения Амура представлены как память самой земли: река Зея помнит, «*как по ней гребные кочи / Вел Поярков-атаман*» («Зея», 1938-1940, с. 59); Хехцир «*видал Хабаровы челны*» («Хехцир», 1939, с. 62); коршун, парящий в небе, видит «*кости былых атаманов*» и «*могильные кручи курганов*» («Беспутные ветры степей», 1943, с. 111). Этот же мотив раскрывается в стихотворении о цветке саране, выросшем из сердца казака-первопроходца и ставшем символом мужества дальневосточников: «*Говорят, неизвестный казак / Из одной атаманской семьи / растерял в приамурских лесах / И доспехи, и кости свои <...> А весной цветок сараны / Из казацкого сердца пророс*» («Сибирская легенда», 1943, с. 113).

Таким образом, в стихотворениях Комарова отчетлив образ Дальнего Востока как фронтирного пространства, дальневосточного рубежа России, с девственной природой и исторической памятью об истории продвижения русских на Восток, которую хранит сам ландшафт.

Вместе с тем поэзия Комарова открывает и другую грань «фронтирного образа» Дальнего Востока, раскрывающую регион как пространство творческого освоения фронта, преодоления территориальной и культурной отдаленности от центральной России. Эта художественная концепция имеет свою систему образов.

В поэтическом мире Комарова природное пространство связывает лирического героя с его предками, с его родовой памятью: «*Не здесь ли мой прадед ходил, / Тропу пробивая к Амуру <...> Я там прохожу, где они / Когда-то оставили след свой*» («Беспутные ветры степей...», 1943, с. 111).

Особенно отчетливо тема преодоления пространства и единения с центром звучит в стихотворениях периода Великой Отечественной войны, в них Москва показана не как территориальная или политическая сила, но как духовное единство многонационального советского мира: «*Кто от Москвы был так далек – / Он близок в этот миг. / Хабаровск и Владивосток / Стоят у стен твоих*» («Тебе, Москва», 1941, с. 86); «*...выстрелы под Ленинградом / Нам и в Хабаровске слышны*» («Сердцем – к сердцу», 1941, с. 86); «*Иду я по сопкам горбатым, / И кажется: дым фронтовой, / Проплыл над вечерним Арбатом, / Повис над моей головой*» («Московскому другу», 1941, с. 87); «*Пути тысячеверстные легли / Между Амуром, Волгой и Невою, / Но грохот боя, слышимый вдали, / Стоит и над моею головою*» («Пути тысячеверстные легли», 1942, с. 92).

«Сближение» прошлого и настоящего на приамурской земле раскрывается и в теме освоения Дальнего Востока. Труд первопроходцев прошлого не забыт и актуален в современности: «*Чтобы знамя России взвилось / Над волною в Амурском лимане!*» («В заливе Счастья», 1943, с. 104).

Тема преодоления территориальной и культурной отчужденности, «превращения» «чужой земли» в свою, родную проходит лейтмотивом через все творчество Комарова: «*Да, мы не раз географа помянем, / Что шел тайгой в былые времена, / Давал названья рекам безымянным, / Придумывал для сопки имена*» («Да, мы не раз географа помянем», 1946, с. 164).

Поэтическая география подчеркивает постепенное территориальное и духовное освоение Дальнего Востока русскими людьми: «*С Ерофеем – крестьянским сыном / Ты из Вологды шла сюда. / На чукотский всходила берег, <...> / Где над скалами поднял Беринг / Государственный флаг Петра*» («В заливе Счастья», 1943, с. 104).

«Человек фронта» новой эпохи – это «*изыскатель, разведчик, молодой инженер*», который не «завоевывает», но ищет понимания с тайгой, и «*угрюмые недра богатства ему отдают*» («Покорители Тукурингра», 1933, с. 44).

«Фронтирная тема» находит воплощение и в мотивах поиска земли как легендарного Беловодья. У поэта тема Приамурья как благодатной земли преломляется сквозь призму советской идейно-художественной модели: ожидаемая гармония утопического мира воплощается в земных делах советских дальневосточников. Тема «рукотворного Беловодья» воплощается в устойчивом мотиве «природы-сада»: «*И воспрянет природа / Преображенная в сад*» («Лувен», 1938, с. 58).

В аспекте осмысления «фронтирной тематики» в творчестве Комарова интересно проследить, как реализуется у него тема Китая. В довоенной лирике поэта этот образ раскрывается в контексте темы дальневосточного пограничья, как взгляд «с другого берега», а в поэзии 1945-1946 годов – в связи с событиями Советско-японской войны.

В аспекте выделенной в работе концепции фронта – как «пограничного пространства» – Китай показан «внешним взглядом», «из-за» границы, «с другого берега». Здесь акцентирована тема страдания Китая

от действий японских оккупантов, а сама китайская жизнь под японской оккупацией рисуется как «иная», «худшая» по сравнению с жизнью страны победившего социализма (этот образ раскрывается в стихотворениях «Дорога на заставу», «Ушагоу», «Колодец», «На допросе», «Маньчжурия»). В стихотворениях зримо воссоздаются картины жизни Северо-Восточного Китая: бедные деревни, нищие и бездомные люди, голодные дети: «Шаги конвоя. Тусклый блеск штыка. / И солнце самурайское на флаге» («Санчагоу», 1947, с. 133); «Твою дорогу длинную / Нужда обступит вдруг / Тысячелетней глиною / Задумчивых лачуг» («На чужбине», 1947, с. 145).

Роль «экзотизмов» играют топонимы – названия китайских городков и деревень: Санчагоу, Сунгари, Дуньхуа, Туяни, Фугдин, Саньсин. Фиксируются детали чужой природы и культуры, обращающие на себя внимание как нетипичные для русского взгляда: «цветной фонарь из рисовой бумаги», «широкополые шляпы», «драконами расписанный фарфор», «серебро пагод», «джонки под парусом алым»; «И ветер над полянами / Гуляет не спеша, / Сухими гаолянами / И травами шуриша» («На чужбине», 1947, с. 145); «Над маньчжурскими проселками / Громко буйволы ревут» («Дорога на Дуньхуа», 1947, с. 134).

В лирике военных лет, когда поэт описывает Китай глазами участника Советско-японской войны 1945 года, лирическим персонажем, воспринимающим образ чужой страны, становится русский солдат. Лейтмотивом проходит тема неприютности незнакомой земли: «Степь монгольская. Зной. Пески» («Чахар», 1946, с. 150); «Мы шли, полуослепшие от пыли» («Мы проходили по следам Козлова», 1946, с. 153).

Как «фронтирная» может быть прочитана и тема пребывания на границе жизни и смерти: «От семи смертей на волоске / Шел и шел солдат через пустыню» («Солдат в пустыне», 1946, с. 152).

В стихотворениях лейтмотивом проходит тема памяти, в которой «своя культура» противопоставлена чужой: «Ведь я не забыл на просторах Китая, / Как пахнет в Рязани весна золотая» («Не рвите на клумбах китайского сада», 1945, с. 146); «И птицей быстрокрылою / Вдруг улетит мечта / В сторонку нашу милую, / В родимые места» («На чужбине», 1945, с. 144-145); «Взглянешь – и грустью по родине / Сердце наполнится вдруг» («Перед рассветом», 1945, с. 144).

Вместе с тем в лирике китайской тематики находит воплощение и тема «преодоления» фронтирной отчужденности.

В ряде стихотворений тема преодоления «фронтирной отчужденности» раскрывается в рамках модели «солдат-освободитель», представленной в мотивах «встречи», «благодарности», «дружеского общения»: «Тебе навстречу, будто ожидая / Не первый год спасителей своих, / Выходит китайка молодая / И к танку прикасается на миг» («Фарфоровая ваза», 1945, с. 135); «С краткой речью в городе Нинани / Русский пехотинец выступал. / Слушали солдата горожане, / Переполнив невысокий зал» («Мудрец», 1945, с. 139); «Он на ветру стоял без каски / Среди веселой суеты, / Во всем являя столько ласки / и столько русской доброты» («Китайчата», 1945, с. 138).

Особенно ярко тема сближения двух культур раскрывается в стихотворениях, связанных с темой творчества. Так, точкой схождения культур становится, например, русская песня: «Девушки, что русскую “Катюшу” / Вечером на Сунгари поют» («Вечер на Сунгари», 1945, с. 138).

Комаров показал в своих стихотворениях близость некоторых мотивов и образов китайской и русской поэзии.

Так, например, присущие китайской поэзии лаконичность образов и глубина подтекста (Антипова, 2013) послужили творческим импульсом для поэтической миниатюры «Рикша», в которой поэт в четырех строках сказал о быстротечности жизни и вечных трудах, в которых живет человек: «Он возит всех. Его коляска тут / И день, и ночь мелькает на дорогах. / А час придет, и рикшу повезут. / Но только раз. На похоронных дрогах» («Рикша», 1945, с. 143).

Философичность и лаконичная форма стихотворения заставляют вспомнить русские пословицы о жизни, труде, быстротечности человеческого века: «Тяжел крест, да надо несть», «Живи, живи, да и помирать собирайся», «Помрешь, так отдохнешь» и т. д. (Пословицы русского народа, 1989, с. 250-270).

Заключение

«Фронтирный подход» позволил рассмотреть лирику П. С. Комарова с точки зрения пространственно-географической проблематики, в свете которой многие особенности его поэтического мира воспринимаются как порожденные природной и историко-культурной спецификой региона. «Чувство земли», присущее поэту, в таком понимании выступает как тип художественного мировидения, сформированный под влиянием ландшафтных, природных, исторических, мифопоэтических особенностей. В творчестве Комарова Дальний Восток предстает как фронтирное пространство, отдаленное от центра России. И вместе с тем – это пространство, где «сходятся» географические и хронологические пределы: столица и окраина, земля и море, прошлое и настоящее.

Картина Дальневосточного мира в творчестве поэта складывается из образов и мотивов, несущих в себе идею фронтирности (пограничности). Природный мир показан в избытке своих качеств, многие из которых представлены в контрастных состояниях (солнце, холод – тепло, горы – равнины, реки – болота и т. д.). Лирический герой поэзии Комарова также раскрывается в пограничных, наивысших состояниях (героизм первопроходцев, воинов, тружеников); особо говорится о межкультурном диалоге.

Перспективы дальнейшего исследования «фронтирной поэтики» дальневосточной литературы видятся как в разработке эмпирического материала – на примере исследования творчества других дальневосточных авторов, так и в формировании обобщенного историко-литературного и теоретического взгляда на природу «дальневосточного текста» русской литературы.

Источники | References

1. Александрова-Осокина О. Н., Хуан Цзянь. Лирика Петра Комарова: монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020.
2. Антипова С. С. Особенности поэтических форм китайской классической поэзии. Подтекст как главная особенность поэзии Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-2 (25).
3. Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А. Геопэтика В. М. Шукшина: коллективная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2017.
4. Галимова Е. Ш. Специфика северного сверхтекста как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1.
5. Головнев И. А., Головнева Е. В. Фронтирный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64).
6. Давыдов О. М. Мифопоэтика литературного сказа Н. Г. Кондратовской: фронтирный подход // Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: мат. XIII всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2019.
7. Забияко А. А. М. В. Щербаков: человек дальневосточного фронта в поиске корня жизни // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45).
8. Забияко А. А. Язык, культура, литература дальневосточного фронта: учеб. пособие для магистрантов по направлению подготовки 45.04.01. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020.
9. Карпухина В. Н. Образ «сибирского фронта» в публицистике Алтая начала XX века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2.
10. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000.
11. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: сборник. М.: Гнозис, 1994.
12. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
13. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988.
14. Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1.
15. Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дисс. ... д. ист. н. Омск, 2006.
16. Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2.
17. Хуан Цзянь. Поэтический мир Петра Комарова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Хабаровск, 2022.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01494, <https://rscf.ru/project/23-28-01494/>.

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-01494, <https://rscf.ru/project/23-28-01494/>.

Информация об авторах | Author information

Александрова-Осокина Ольга Николаевна¹, д. филол. н., доц.
¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Alexandrova-Osokina Olga Nikolaevna¹, Dr
¹ Pacific State University, Khabarovsk

¹ osokina-11@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.09.2023; опубликовано online (published online): 23.10.2023.

Ключевые слова (keywords): лирика П. С. Комарова; фронт; фронтирная поэтика; художественное пространство; геопэтика; lyrical poetry of P. S. Komarov; frontier; frontier poetics; artistic space; geopoetics.